УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.30

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК МЫШЛЕНИЯ

© С. Г. Шафиков

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Тел.: +7 (987) 134 49 88.**Email: sagit.shafikov@yandex.ru*

Статья посвящена актуальной проблеме взаимосвязи языка и мышления. В ней рассматриваются подходы к пониманию гипотетической ментальной модели «язык мышления», которая объясняет факт существования языковых универсалий во всех языках независимо от происхождения. Язык мышления может пониматься: а) как врожденная способность к языку, б) как система семантической репрезентации универсального характера, наследуемая каждым в каждом новом поколении, в) как инвентарь строевых правил и концептуальных категорий, общий для всех языков.

Ключевые слова: *внеязыковое мышление, мышление, семантическая репрезентация, смысл, способность к языку, структура, универсалия, язык.*

1. Язык и мышление. Обсуждение проблемы взаимосвязи языка и мышления не сходит с повестки дня на протяжении всего развития науки о языке, начиная с античных времен. На первый взгляд эта взаимосвязь видится почти тождеством, как следует из афористического высказывания великого германского мыслителя И. Канта: «Мыслить значит говорить с самим собой» [1, с. 430]. Однако в настоящее время вопрос о связи языка с мышлением признается сложнейшей проблемой, которая может решаться только комплексно в силу ее противоречивости и отнесенности к множеству наук о человеке. В частности, для языкознания актуальность этой проблемы объясняется ее отношением к двум известным лингвистическим гипотезам: 1) гипотезе о существовании так называемого «языка мышления», 2) гипотезе о влиянии языка на формирование этнической ментальности.

Первая гипотеза ставит вопрос о том, что мышление не обязательно поддерживается языком. С одной стороны, интуиция подсказывает, что мысль должна опираться на номинацию; с другой стороны, наука пока не имеет доказательства того, что свою опору мысль находит именно в языке как знаковой системе.

Вторая гипотеза как «дочерняя форма» возрождающегося в отечественном языкознании неогумбольдтианского взгляда на язык утверждает, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; при этом выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной языковой модели всем носителям языка» [2, с. 350–351].

В настоящей статье рассматривается первая гипотеза, что не мешает читателю обратиться к многочисленным работам автора, в которых трактуется вторая гипотеза.

2. Языковое и внеязыковое мышление. Мысль безгранична, и «можно представить себе

все, что угодно, например, единорога с цветком, растущим из каждой ноздри» [3, с. 39], хотя соответствующее слово отсутствует. Таким образом, языковое мышление, связанное с суждениями, умозаключениями, сопоставлениями, имеет место далеко не всегда. Его отсутствие компенсируется внеязыковым мышлением, например, когда скульптор ваяет, или когда строитель укладывает кирпичи, или когда велосипедист едет по улице. Все это говорит о разных типах человеческого мышления в зависимости от конкретной ситуации.

Аргументом в пользу мышления без участия языка может служить возникновение обычных затруднений в поисках нужного слова. Если бы внеязыковое мышление было невозможно, проблема нахождения языковой формы для родившейся мысли никогда бы не возникла.

Таким образом, язык покрывает лишь вербальную часть мышления, накладывая определенные тактические рамки на способ выражения мысли. Именно поэтому язык беднее мысли [4, с. 79], т.е. – в отличие от языка – мышление значительно более масштабно в силу реального отсутствия для него каких бы то ни было ограничений.

3. Языка мышления как язык общих смыслов. Принципиальный вывод, который лингвистическая типология делает из сравнения языков, заключается в том, что, несмотря на все различия, языки устроены по единой модели. Предполагается, что эта модель, отражающая психологическое единство человеческого рода, представляет «язык мышления», который отличается от интериоризированной речи как специфической формы конкретного языка в силу принципиальной независимости от него.

В доказательство существования языка мышления обычно приводится *практическая взаимная переводимость языков*. Разумеется, перевод художественного текста неизбежно влечет определенное семантическое искажение оригинала, однако

невозможность адекватного художественного перевода не исключает возможности иного перевода [5, с. 577]. Кроме того, художественный перевод есть детище искусства, поэтому только «степень таланта определяет и степень приближения не только к полноценному, но и идеальному переводу» [6, с. 35].

Переводчик не может рассчитывать на совпадение значений эквивалентных слов, это исключается по определению – вследствие лингвоспецифичности практически любого слова любого языка. Расчет строится на так называемое «когнитивное содержание инвариантного характера» [7, с. 7], т.е. на установление так называемого общего смысла.

Такой общий смысл А. Вежбицкая называет *семантической репрезентацией*, полагая, что два предложения в разных языках или два разных предложения в одном языке характеризуются одним смыслом, если они идентично переводятся на язык семантической репрезентации [8, с. 42]. Правда, возникает сомнение в объективности самого критерия, поскольку о степени идентичности переводимого предложения можно судить по-разному. Выход Вежбицкая видит в создании языка семантической репрезентации с помощью так называемых «семантических примитивов», изоморфных во всех языках, однако вопрос об объективности критерия остается открытым, так же как вопрос о языке семантической репрезентации, который – по определению – не опирается на вербальные знаки.

4. Подходы к объяснению универсальных структур. Общие смыслы, которые создают «каркас» языка мышления, можно объяснять исходя из двух принципиально разных подходов, условно называемых *селективистским* и *конструктивистским* [9, с. 30]. Первый подход, связанный с хомскианской традицией, отстаивает врожденную способность к языку, который, как утверждается, усваивается в процессе сличения языковых структур конкретного языка с универсальными структурами «врожденной грамматики». Второй подход, связанный с работами психолога Ж. Пиаже, утверждает, что язык усваивается через опыт, а именно в процессе постоянного взаимодействия со структурированной средой.

На первый взгляд, не существует противоречия между этими подходами, которые лишь по-разному оценивают роль мышления и внеязыкового мира в процессе усвоения языка. Первый подход утверждает наличие структурных свойств мышления, оставляя в стороне среду; второй подход подчеркивает важность среды в процессе категоризации, ничего не сообщая о структуре мышления. Все же возникает впечатление, что селективистский (эмпирический) подход, объясняющий усвоение языка исключительно врожденной способностью, так сказать, «закрывает вопрос» с помощью антропоцентрически привлекательной формулировки. Такая позиция умаляет способность мышления к

концептуализации опыта, имплицитно пропагандируя отказ от изучения реальных психических процессов, связанных с физиологией универсалий. Зато конструктивистский (рационалистский) подход, объясняющий усвоение языка через опыт, согласуется с идеей о врожденной способности человека, если понимать под этим не только способность к языку, но и способность к категоризации в целом. Как уже указывалось выше, мышление есть более масштабное образование, чем язык, образующий лишь его структурированную часть.

5. Проблема структурированности мышления. Дж. Фодор считает, что человеческое мышление дискретно, будучи принципиально сходным с работой вычислительной машины [10, с. 77]. Такой вывод следует, по мнению ученого, из параллелизма между континуумом смежных мыслей и континуумом смыслов предложения при изменении его структуры. «Нельзя было бы сказать, – рассуждает Фодор, – что каждый, кто понимает предложение *John loves Mary* («Джон любит Мэри»), поймет и предложение *Mary loves John* («Мэри любит Джона»), если бы было верно следующее: каждый, кто о способен подумать о том, что Джон любит Мэри, не может подумать и о том, что Мэри любит Джона» [11, с. 150]. Из этого делается такой вывод: нельзя утверждать, что язык выражает мысль, не утверждая тем самым, что мышление так же системно, как и язык.

Однако мысль о структурированном характере мышления вызывает обоснованное сомнение. Однозначно понять *всякое предложение*, например, предложение *John loves Mary* без дополнительных условий невозможно; в данном случае таким условием является – для активного залога – синтаксическая позиция субъекта действия по отношению к объекту. Зато *всякая мысль* находит внутреннее разрешение без каких-либо условий, например, мысль о том, что именно Джон является субъектом, а Мэри объектом любви.

Доказательство структурированности мышления могло бы служить важным свидетельством в пользу существования языка мышления. К сожалению, современная наука, связанная с изучением человеческой когниции, пока не может предъявить надежных доказательств. Сторонники идеи языка мышления смотрят – в определенном смысле – не вперед, а назад, обращаясь к традиционным представлениям о врожденных идеях, которые можно разложить на простые примитивы. Например, концепции Дж. Фодора и Н. Хомского восходят к Платону и Декарту, а идея семантической репрезентации А. Вежбицкой напрямую связана с традицией разработки универсальных языков, в частности языка универсального исчисления Лейбница.

Можно лишь выделить три основных подхода к толкованию языка мышления; язык мышления понимается 1) как врожденная способность к языку; 2) как репрезентативная система, наследуемая

каждым поколением рожденных; 3) как инвентарь строевых и концептуальных универсалий.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих подходов, необходимо отметить, что *доказательно утверждать* существование языка мышления так же сложно, как *знать* о существовании всевышнего, поэтому при интерпретации определенного подхода следует исходить только из соображений внутренней логики каждой концепции, поскольку все концепции имеют скорее эпистемологический, нежели онтологический характер.

6. Язык мышления как врожденная способность к языку. Нельзя обучиться языку, утверждает Фодор, уже не зная его заранее; следовательно, язык, который как бы дается при рождении, и составляет язык мышления [10, с. 65]. Этим объясняется быстрое усвоение родного языка в результате «сверки» универсалий, составляющих корпус языка мышления, с реальными высказываниями на конкретном языке.

Трудно объяснить, однако, почему при обучении второму (неродному) языку значение языка мышления редуцируется в пользу первого (родного) языка, который начинает выполнять роль метаязыка обучения. Кроме того, отождествление языка мышления с врожденной способностью к языку несколько запутывает вопрос. Способность к языку подразумевает не язык, который дается человеку от рождения, ведь никто не рождается говорящим на родном языке, но *способность научиться любому языку*. Если же к языку мышления относиться именно как к языку, т.е. к репрезентативной системе, обладающей своей структурой и своим «ментальным» лексиконом, то такая система не может отождествляться со способностью к обучению, так же как способность к музыке не может быть самой музыкой.

Концепция врожденной способности к языку не объясняет, характеризует ли эта способность исключительно человека, т.е. связана ли она с его видовой биологией или представляет собой межвидовую характеристику, которая относится к эволюции мозга высших животных. А. Соломник сообщает об экспериментах по обучению шимпанзе Вошоу в семье Гарднеров с помощью жестов, в результате чего обезьяна усвоила 500 знаков, активно используя 80 знаков. Другая семья – Примачи – обучали шимпанзе с помощью пластиковых жетонов, разных по форме, размеру и цвету. Преимущество такой методики состоит в возможности «последовательного чтения мыслей» обезьяны [12, с. 211]. Из этих экспериментов можно сделать следующие выводы: 1) животные обладают мышлением в форме понятий, например, собачий лай связывается с понятием о собаке, усвоенном из картинки и т.д.; 2) животные способны пользоваться как символическими, так и иконическими языковыми знаками для передачи понятий собеседнику. Если согласиться с идеей о врожденной способно-

сти к языку, то придется признать, что универсальная грамматика «встроена» в голову не только человека, но и высокоразвитых животных. Следовательно, мышление, как и способность к языку, есть не видовое, а эволюционное понятие. Идея врожденной способности к языку имплицитно некую данность, дарованную свыше и исключающую всякое развитие. При этом остается неизвестным, где находится начало этой врожденности, очерчивающей границу между *homo loquens* («человеком говорящим») и его неспособным к говорению предком.

Концепция врожденной способности к языку, тождественной языку мышления, не объясняет также феномена детей, лишенных с детства человеческого общества и, следовательно, языка. Логично предположить, что язык мышления при инициации должен себя обнаружить, однако у «детей-Маугли» не наблюдается реституции языка после возвращения в общество себе подобных, несмотря на интенсивное обучение. Если язык легче утратить, чем приобрести, способность к нему не может отождествляться с характеристикой вида. Врожденной можно считать – с определенными оговорками – не способность к говорению, а способность к мышлению и обучению.

7. Язык мышления как репрезентативная система. Если рассматривать язык мышления как репрезентативную систему в духе А. Вежбицкой, то каждый функциональный элемент ее должен, с одной стороны, представлять, а, с другой стороны, быть представляемым. Система не может функционировать как знаковая система, если ее элементам приписывается только идеальный (содержательный) компонент без опоры на форму, как в гипотетическом языке мышления.

Другое сомнение заключается в постулировании универсальности этой репрезентативной системы. Такая универсальность имплицитно неизменность элементов и их взаимоотношений. В действительности же семантические примитивы А. Вежбицкой так же изменчивы, как элементы любого естественного языка. Так, в настоящее время категория «мать» все еще характеризуется доминированием когнитивной модели «человек, который дает рождение», но уже в ближайшем будущем можно ожидать размытие этой категории благодаря развитию других моделей. Уже сейчас наблюдается развитие более сложной кластерной модели: 1) «женщина, которая рождает ребенка»; 2) «женщина, которая дает генетический материал (яйцеклетку)»; 3) «взрослая женщина, которая вскармливает и растит ребенка»; 4) «ближайший предок женского пола». Если первые две модели, как правило, обозначают одного человека, то тенденция, наблюдаемая в связи с увеличением числа суррогатных и приемных матерей, может полностью разрушить универсалию.

А. Гопник сомневается в универсальности мышления, утверждая, что в мозгу ребенка, усваи-

вающего родной язык, происходят постоянные изменения семантических структур, которые носят не столько количественный, сколько качественный характер. Следовательно, невозможно признание универсальных когнитивных структур, получаемых в ходе познания мира, поскольку концепты нового опыта не выводятся из предшествующих теорий [13, с. 163–179].

Вероятно все же, изменения семантических структур носят как качественный, так и количественный характер, при этом разные структуры изменяются с разной частотностью, что заставляет предположить относительную стабильность одних структур по сравнению с другими. Так, если в обучения языку ребенок может назвать собакой любое животное, имеющее четыре конечности и хвост и при этом соизмеримое по величине с собакой, то с расширением опыта он исправляет свою ошибку, основываясь на незамеченных ранее признаках, таких как способность кусать, махать хвостом и т.д. При категоризации видов собак ребенок образует новые концепты исходя из предшествующего опыта, основываясь на стабильных признаках категории «собака»: «четвероногое, способное лаять, кусать и махать хвостом в знак дружелюбия». Очевидно, что стабильные структуры мышления, неизменные при изменении опыта, и составляют концептуальные (когнитивные) универсалии, представленных в языках в виде языковых универсалий.

8. Язык мышления как язык универсалий.

Если отказаться от представления о языке мышления как врожденной способности к языку и как неизменно универсальной репрезентативной системе, то синтез рассмотренных концепций позволяет сформулировать концепцию языка мышления как универсальной когнитивной системы, состоящей из строевых правил и лексикализованных во всех языках концептуальных категорий. При этом имплицитный репрезентативный характер языка мышления полностью исчезает, остается только термин, имеющий эпистемологический смысл. Вместе с тем сохранение соответствующего термина делает вполне приемлемым использование мета-языковых универсалий, таких как «универсальная грамматика», «ментальный лексикон», «семантическая репрезентация» и т.д. Грамматика языка мышления должна определять принципиальное устройство любого языка с зрения его структуры, включая, например, принципы разграничения субстантивных и предикатных номинаций, субъекта и объекта в предложении, категории числа у субстантивных единиц, времени, вида, наклонения у предикатных единиц и т.д. Лексикон языка мышления должен включать концептуальные категории, имеющие обязательный характер, хотя «примитивный» характер этих категорий не должен служить критерияльным принципом их отбора. Концептуальные универсалии реализуются во всех языках в виде эквивалентных номинаций; например, местоимение

«я» есть концептуальная универсалия, требующая выделения говорящего субъекта.

Универсальные грамматические правила образуют «скелет», а концептуальные универсалии – «мускулатуру» языка мышления. Для естественного языка важно и то, и другое, в то время как язык мышления представляет собой прежде всего концептуальный лексикон, поскольку субстанция первична, а правила ее организации вторичны и зависят от характера концептов, образующих субстанцию.

Развитие понятия «язык мышления» требует рассмотрения вопроса о репрезентативной силе такого языка, понимаемого как система универсалий.

Дж. Фодор утверждает, что 1) нельзя выучить язык, выразительная сила которого выше, чем в оригинальном языке; 2) нельзя выучить второй язык, если его предикаты выражают то, что не могут выразить предикаты первого языка [10, с. 86]. Из этих постулатов следует, что язык мышления может выразить все, что может быть выражено на естественном языке, иначе было бы невозможно обучаться формулам естественного языка.

Однако первый постулат Фодора представляется сомнительным, если под выразительной силой понимать кратчайший путь, которым язык выражает мысль, т.е. через наименование. Как известно, концептуализация реального мира выглядит по-разному в разных языках. Так, в сфере цветообозначений выразительная «сила» русского языка выглядит предпочтительнее, чем «сила» английского. Это объясняется возможностью использовать в русском языке отдельные номинации для передачи смыслов «синий» и «голубой», в то время как в английском языке смысл «голубой» выражается словосочетанием *light blue*, производного от более общего термина *blue*. Еще меньшая выразительная сила наблюдается в языке варлпири (Австралия), который способен выразить эти три цветовых смысла в только одним словом *yukuri-yukuri* (буквально «растение-растение»). Тем не менее это не мешает, вопреки утверждению Фодора, выучить язык, выразительная сила которого выше, чем в родном; тем более, что выразительная сила языка варьируется при концептуализации разных фрагментов внеязыковой действительности.

Репрезентативная сила языка мышления в представлении А. Вежицкой выглядит гораздо беднее, чем в концепции Фодора, поэтому неизбежно искажение мысли при переводе естественного языка на язык семантических примитивов. Ср., например, изменение смысла предложения на английском языке при переводе его на язык примитивов: *Say something* → *I want you to say something*. Примитивность самого языка толкования делает перевод как простых, так и сложных смыслов на язык примитивов Вежицкой весьма громоздким; ср. семантическую интерпретацию глагола «лгать»:

Х солгал Y-y =

1. X сказал нечто Y-у

2. X знал, что это неправда

3. X сказал это потому, что хотел, чтобы Y думал, что это правда

[люди сказали бы, что тот, кто так поступает, поступает плохо] [14, с. 206].

Вероятно, репрезентативная сила языка мышления не может быть чрезмерной, поскольку это привело бы к бесконечному увеличению числа универсалий, и само понятие универсалий как общего инварианта, присущего, но не тождественного всем индивидуальным объектам определенной сферы ума, потеряло бы смысл.

Резюмируя изложенное, можно заключить следующее:

– способность к языку, врожденная или приобретенная с помощью опыта, не тождественна языку мышления;

– врожденная способность к языку представляется сомнительной, а врожденный характер языка мышления не может быть доказанным;

– врожденной по отношению к виду «человек разумный» может считаться только способность к мышлению и – как следствие – способность к категоризации;

– мышление в целом синкретично и становится дискретным только через определенным образом организованные и информационно наполненные символы;

– язык мышления можно понимать лишь как удобную метаязыковую универсалию, обозначающую совокупность (систему) когнитивных универсалий, которые включают в себя универсалии стро-

евого характера (принципы универсальной грамматики) и концептуальные универсалии, т.е. концептуальные категории универсального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: в 6-ти тт. Т. 6. М., 1966. С. 350–588.
2. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
3. Langacker R. W. Language and its Structure. N.Y.: Harcourt, Bruce and World, 1973. 260 p.
4. Серебренников Б. А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 70–86.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
6. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
7. Бондарко А. В. К проблеме соотношения универсальных и идиотнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания, 1992. №3. С. 5–20.
8. Wierzbicka A. *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. Sydney – N.Y.: Academic Press, 1980. 367 p.
9. Danchin A. Biological Foundations of Language: a Comment on N. Chomsky's Approach to Syntactical Structures // Noam Chomsky. Consensus and Controversy. N.Y., 1987. Pp. 29–39.
10. Fodor J. A. *The Language of Thought*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 215 p.
11. Fodor J. A. *Psychosemantics: the Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. Cambridge: MIT Press, 1988. 174 p.
12. Соломник А. Язык как знаковая система. М.: Наука, 1992. 223 с.
13. Gopnik A. Conceptual and Semantic Change in Scientists and Children: Why There Are No Semantic Universals // *Explorations for Language Universals*. N.Y., 1984. Pp. 163–179.
14. Вежицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Анна Вежицкая. Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.

Поступила в редакцию 15.03.2019 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.30

LANGUAGE, THOUGHT AND THE LANGUAGE OF THOUGHT

© S. G. Shafikov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (987) 134 49 88.
Email: sagit.shafikov@yandex.ru*

The article is devoted to the topical problem of interrelation between language and thought. The author discusses approaches to interpreting the hypothetic mental model of “the language of thought” that accounts for the existence of language universals in all languages of the world irrespective of origin. The language of thought may be interpreted: a) as innate capacity for language, b) as a universal system of semantic representation, inherited by everyone in every new generation, c) as an inventory of structure rules and conceptual categories common for all tongues.

Keywords: capacity for language, language, meaning, non-verbal thinking, semantic representation, structure, thought, universal.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Kant I. Soch.: v 6-ti tt. Vol. 6. Moscow, 1966. Pp. 350–588.
2. Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. Vol. 2. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1995.
3. Langacker R. W. Language and its Structure. N.Y.: Harcourt, Bruce and World, 1973.
4. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 70–86.
5. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya [The logic and growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress, 1983.
6. Kolshanskii G. V. Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke [Objective picture of the world in knowledge and language]. Moscow: Nauka, 1990.
7. Bondarko A. V. Voprosy yazykoznaniya, 1992. No. 3. Pp. 5–20.
8. Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. Sydney – N.Y.: Academic Press, 1980.
9. Danchin A. Noam Chomsky. Consensus and Controversy. N.Y., 1987. Pp. 29–39.
10. Fodor J. A. The Language of Thought. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
11. Fodor J. A. Psychosemantics: the Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge: MIT Press, 1988.
12. Solomnik A. Yazyk kak znakovaya Sistema [Language as a sign system]. Moscow: Nauka, 1992.
13. Gopnik A. Explorations for Language Universals. N.Y., 1984. Pp. 163–179.
14. Vezhbetskaya A. Anna Vezhbetskaya. Yazyk, kul'tura, poznanie. Moscow: Russkie slovari, 1996. Pp. 231–291.

Received 15.03.2019.